

Глава 56. Красные следы

Цзян Тану приснился сон. Сон, который лучше не пускать в эфир.

Угасающий свет заката понемногу вполз в полутёмную комнату и замер на золотисто-красной ветке цветка на столе.

Тяжёлые пологи кровати колыхались от ветра, и сквозь них смутно угадывались две фигуры, перекатывающиеся на широкой постели.

Вообще-то все взрослые люди, и если кому-то снится что-то с перчиком, в этом нет ничего особенно постыдного. Проблема была в другом: в этом сне двумя главными героями были он и Фу Линцзюнь.

Вот это уже была катастрофа. И очень большая.

Да, Цзян Тан и правда падок на красоту Фу Линцзюня, но раньше он никогда не фантазировал в настолько откровенную сторону. Максимум — полюбоваться, украдкой воспользоваться случаем, ну и всё такое. А тут сон с самого начала оказался настолько будоражающим, что даже во сне у него голова пошла кругом.

Это серьёзное, надменное, холодное лицо сейчас будто стало таять, как лёд, а потом вместе с огнём, способным выжечь целую степь, жарко накрыло его с головой.

И он сам, второй герой этого сна не для эфира, неожиданно оказался таким смелым, что в пору было испугаться.

Сейчас он сидел верхом у Фу Линцзюня на коленях, обеими руками, как осьминог, намертво обвив его за шею, сам подался вперёд и, опустив голову, набросился на добычу, которой жаждал всем сердцем.

Они тесно прижимались друг к другу, касались висками и щеками.

Он пытался ногой задрать чёрное одеяние, сбил ворот, но стащить одежду так и не сумел.

Пылкий охотник хотел сорвать с него ещё больше, но, похоже, где-то ошибся. После его беспорядочных атак прежде покорная добыча вдруг сорвалась с цепи.

Цзян Тан ещё попытался прижать Фу Линцзюня, но не продержался и секунды. Добыча жестоко перехватила инициативу.

Всё закружилось, мир перевернулся, и они поменялись местами: прежняя добыча стала охотником.

Все свои приёмы Цзян Тан израсходовал ещё в самый смелый, начальный момент. Теперь, когда его опрокинули, защищаться ему было уже нечем. Он только и мог пятиться шаг за шагом, не в силах ни сбежать, ни отбиться, и пожинать плоды собственной дерзости.

Раз за разом охотник гнался за ним, а он уклонялся, пока в конце концов не осталось ничего, кроме как плясать с ним в одном ритме.

Цзян Тан совсем вымотался.

Когда Фу Линцзюнь выступал в роли охотника, выносливости у него было просто ужасающе

много. Даже во сне Цзян Тан оставался тем же маленьким слабаком: ещё немного побарахтаться он мог, но очень быстро сдавался. И снова превращался в мороженое под солнцем — тут уже и ложка не нужна, он сам растаял раньше времени, расплылся и обмяк так, что не соберёшь.

Фу Линцзюнь, к слову, вовсе не был привередлив.

Даже когда мороженое уже растаяло, он всё равно ел его дальше, ложка за ложкой. И по тому, как уверенно он это делал, выходило, что опыта у него куда больше, чем у самого Цзян Тана. Из-за этого сон становился всё тяжелее, и Цзян Тан, тихо постанывая, всё сильнее хотел проснуться.

Сам он проснуться не мог, зато Фу Линцзюнь, спавший рядом, проснулся от его возни.

Беспокойный человек то лягался, то тёрся, то тянулся ударить, а мягкая ладонь ещё и вцепилась в гладкие волосы у него под рукой.

Кожу на голове от такой хватки ощутимо потянуло, и Фу Линцзюнь накрыл эту ладонь своей, прижав её.

Он приложил совсем немного силы, но изнеженный юноша тут же жалобно замычал, будто ему стало больно.

Фу Линцзюнь никогда не умел рассчитывать силу. В прошлый раз, когда он зажёл благовоние призыва души и вернул душу Цзян Тана, а потом попытался оторвать от себя прилипшего маленького осьминога, на тонких нежных руках юноши сразу проступили красные следы. Немного спустя они потускнели и превратились в лёгкие синяки.

Сегодня ночью, когда он тащил его по области Цянькунь, то же самое запястье опять покраснело.

Поэтому ладонь, прижимавшая его руку, ослабила хватку.

Хитрая маленькая рука тут же воспользовалась лазейкой. Она снова поползла ощупывать всё подряд, как будто в ней вовсе не было костей. На этот раз ей было мало одних волос: юноша, явно неудовлетворённый, всем телом прильнул ближе и обеими руками крепко обнял лежащего рядом человека.

Знакомый прохладный аромат немного успокоил Цзян Тана.

И всё же этого было мало. Он невольно стал подбираться ещё ближе к человеку рядом, чуть ли не мечтая превратиться в настоящего осьминога и намертво к нему прилипнуть. Он зарылся лицом Фу Линцзюню в шею и жадно, большими глотками, вдыхал этот приятный запах.

Тёплое дыхание, лёгкое как перо, щекотало кожу у основания шеи.

Во сне его основательно обидели, и потому маленький осьминог решил взять реванш. Он и так уже слишком долго прожил в облике зверька, а когда зудели зубы, ему хотелось что-нибудь погрызть. И как раз перед ним была шея, пахнувшая приятно и холодно. Он вцепился в неё зубами, не раздумывая.

Фу Линцзюнь напрягся всем телом.

Эти мелкие, частые укусы были бессознательными, но в них всё равно сквозила жадность и радость. От них ладони у него вспотели, а каждое ощущение в теле стало острее.

Прежде он ещё пытался сопротивляться этому напору чувств. Но несмышлёный юноша уже не раз вытворял подобное, а на следующее утро всё начисто забывал и смотрел на него своими невинными, жалобными глазами так, будто был уверен: наказания не будет.

Но в этот раз Фу Линцзюнь больше терпеть не хотел.

Он положил руку на тонкий задний изгиб шеи юноши, а затем перевернулся и прижал его к постели.

— Мм... — похоже, в миг, когда их тела поменялись местами, юноша разжал зубы и случайно прикусил губу, потому тихо, жалобно застонал от боли.

Глаза Фу Линцзюня потемнели, и в глубине их поднялись волны желания.

— Больно, так терпи, — хрипло выдохнул он и в следующий миг будто мстя, укусил в ответ ровно туда, куда только что кусал его Цзян Тан.

...

Утро в области Цянькунь принесла стайка шумных воробьёв. Они парами и тройками слетелись к ветке мирта, будто пропитанной румянами, чирикали и скакали по ней. Маленькие глазобусины заглядывали в залитую солнцем комнату. Сквозь распахнутые занавеси смутно виднелись две переплетённые фигуры.

Проснулись и люди. Постепенно ожили крики торговцев, торг, случайные приветствия знакомых на улице.

Когда Цзян Тан вынырнул из этого длинного, крайне нездорового сна, у него появилось смутное ощущение, будто он вконец растратил почки.

Вот же беда. Неужели в наши дни даже от таких снов можно словить почечную пустоту?

Он медленно открыл глаза и по привычке хотел потереться о мягкую подушку и обнять тёплое одеяло. Но то, обо что он тёрся, оказалось тёплым и упругим, а то, что он обнимал, — твёрдым и совсем не мягким. Даже давило.

Цзян Тан оцепенел.

Он мгновенно пришёл в себя. Перед ещё мутными глазами возникло лицо, которое в его сне переплеталось с ним бесчисленное количество раз и от одного вида которого слабели ноги.

— А! — коротко, мягко вскрикнул он и тут же попытался отбросить человека, которого держал, словно раскалённую печку. Но в руках у него была не печка, а живой человек.

Их волосы переплелись, а ногу Цзян Тана ещё и придавила нога Фу Линцзюня, так что вырваться сразу не получилось. После нескольких безуспешных рывков он только вспотел ещё сильнее.

Цзян Тан на глазах порозовел целиком и, запинаясь, выдавил:

— Ты... я... как...

Если бы не тот нездоровый сон, ещё ладно. Но во сне Цзян Тан сначала собирался как следует «позаниматься всяким» с прекрасным боссом, а в итоге сам оказался тем, с кем «позанимались всяким». Всё было дико, бурно и совершенно без тормозов. И теперь, увидев это красивое лицо сразу после пробуждения, он чуть не заработал носовое кровотечение.

Да кто вообще поймёт этот ужасный стыд, когда всю ночь мысленно развращал человека, а утром просыпаешься и обнаруживаешь его у себя под боком?!

В этот момент кто-то коснулся барьера за дверью.

Тук-тук-тук.

Снаружи раздался стук Сян Сина и его глухой голос:

— Хозяин, они пришли.

Под «они» здесь, конечно, подразумевались молодые люди, которые сегодня собирались вместе отправиться к Хуаям в префектуру Аньюань.

Стоило Цзян Тану услышать голос Сян Сина, как его накрыло совершенно нелепым чувством, будто их застали в постели с поличным. В панике он несколько раз дёрнул придавленную ногу, вывернулся из объятий Фу Линцзюня, босиком метнулся к столу и на бегу судорожно запахнул почему-то разъехавшийся ворот. Обеими руками он прижал к груди бешено колотящееся сердце, а потом залпом опрокинул чашку холодного чая.

Ч-что вообще происходит?! Вчера он ведь точно заснул на стуле. Почему же проснулся в постели великого босса? Неужели во сне у него разыгралась звериная натура, и он посреди ночи сам полез приставать к великому боссу?

А-а-а! Да что это за грандиозная сцена социальной смерти?! Неужели в прошлый раз, когда великий босс сказал, что он уже что-то с ним вытворял, речь тоже шла о том, что, заснув, он сам забирался к людям в объятия?

Слишком долго пробыв зверьком, он и правда подхватил несколько дурных привычек. Например, любил спать, прижавшись к кому-то, и совершенно без стыда лез обниматься и тереться. Именно поэтому он и хотел спать отдельно. Себя Цзян Тан знал лучше всех: он был самым настоящим похотливым извращенцем. Как, спрашивается, можно удержаться и не сорвать цветок, если перед тобой стоит такая недосыгаемая красавица?

Цзян Тан, прирождённый вор цветов, вспомнил, как в своём сне в самом начале бесстыдно уселся сверху, и от стыда его лицо стало таким горячим, что на нём можно было сварить дюжину яиц.

— Там... — он стоял спиной к Фу Линцзюню и поспешно сменил тему, пытаясь хоть немного разрядить эту невыносимую неловкость. — Тебя... ждут.

Говоря это, он обеими руками зажал пылающее лицо.

Фу Линцзюнь, однако, не стал его отчитывать.

К этому времени он уже принял свой неприметный облик Линь Шэна и привёл в порядок одежду, которую Цзян Тан успел смять. Приехали они без багажа, и уходить им тоже было не с чем. Сняв барьер с комнаты, великий босс невозмутимо спустился вниз.

И хорошо ещё, что он ничего не сказал. Скажи он хоть слово, и Цзян Тан от стыда тут же расковырял бы себе ногтями щель в полу и зарылся бы в неё целиком.

Оставшись один, он ещё долго стоял в комнате, глубоко дышал и пытался прийти в себя. Сян Син ждал у двери и, склонив голову набок, поглядывал на него.

— Сяо Бай... стесняется, — глава общества любителей тискать пушистиков, как всегда, поразительно точно уловил настроение Цзян Тана и безжалостно ткнул в его самые сокровенные мысли.

— Неправда, ничего подобного!

— Нет, правда...

— Неправда!

Оба они говорили с запинками, так что даже спорить друг с другом было не слишком удобно. Но после пары перепалок неловкость немного отпустила Цзян Тана, и ему даже показалось, что жить дальше всё-таки можно.

Он медленно спустился вслед за Сян Сином. Внизу уже ждали несколько бодрых молодых людей. Увидев его, Хуай Чэнъинь очень приветливо поздоровался:

— Господин Цзян, доброе утро!

Шэн Исюэ застенчиво ему улыбнулась, Сун Цзиньяо холодно кивнул, и только Е Чжэнвэнь смотрел так, будто в нём распирало какое-то слово, которое он хотел спросить, но не осмеливался.

Лицо юноши было подозрительно красным. Такой румянец вспыхивал, словно на щеках распустились самые яркие персиковые цветы.

Когда Цзян Тан подошёл ближе, Е Чжэнвэнь, который всю дорогу изо всех сил терпел, всё-таки не выдержал. Он тихонько потянул его за край одежды и почти шёпотом спросил:

— Господин Цзян... маленький господин Цзян. А как вы познакомились с моим братом Линем?

Цзян Тан не знал, как тут лучше соврать.

То, что он и есть тот самый Сяо Бай, которого великий босс всё время таскал на руках, знал только серебряный морозный Тигр. Тигр не говорил на человеческом языке, а Е Чжэнвэню к тому же ещё и подправили часть воспоминаний. Для остальных Цзян Тан сейчас был почти посторонним человеком, так что объясняться и правда было трудно.

Ведь дальше им ещё предстояло какое-то время жить вместе. Цзян Тан изо всех сил напряг голову и в итоге решил сочинить историю о том, как великий босс спас его от большой чёрной змеи с утёса Жисы, а он из благодарности добровольно пошёл за ним следом.

— Тогда... встретил... чудовище, — с огромным трудом начал он свой рассказ. — Я... испугался. А он... пришёл... и спас.

История вышла сбивчивой и совсем без изюминки.

Е Чжэнвэнь, наслушавшийся рассказов про героев, спасающих красавиц, к такому сюжету

отнёсся вяло. Но сам рассказ был не так уж важен. Подойдя ближе, он вдруг заметил на приоткрытой шее этого красивого маленького господина Цзяна тонкий красный след с весьма двусмысленным видом.

Как будто кто-то его там сжал. Или... присосался.

Он резко повернул голову к Фу Линцзюню, внимательно его осмотрел и почти на том же месте на его шее нашёл точно такой же след.

Е Чжэнвэнь: !

Кажется, он только что понял что-то до ужаса важное!

Они точно спят вместе, да?!

Примечание автора:

Сяо Е: б... боевые действия были крайне ожесточёнными.

<http://bllate.org/book/17032/1644408>